

Документальный фонд Себежского краеведческого музея

Документальный фонд Себежского музея стал формироваться в том виде, в каком существует в настоящее время, сразу после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков летом 1944 г. Имевшийся до войны фонд погиб во время оккупации, поэтому сотрудники музея Б.В. Сивицкий и К.М. Громов приступили к собиранию документов практически с нуля.

Первыми документами музея стали опросные листы, оформленные на листах, вырванных из тетради, а иногда и просто на клочках бумаги, которые Б.В. Сивицкий рассылал по сельсоветам, желая узнать следующее: какие деревни были сожжены во время оккупации, кто из местных жителей погиб и при каких обстоятельствах, есть ли воинские захоронения и где, из каких деревень и кто был угнан на фашистскую каторгу, были ли партизанские лагеря и где... Эти вопросы, поставленные в самодельных анкетах, и ныне делают честь любому музейному работнику, а тогда Б.В. Сивицкий документировал настоящее для него время для истории, будущего. Такой опрос нынче назвали бы репрезентативным: он точно отражал тогдашнее положение вещей и носил статистический характер, т.е. представлял в основном цифровой документ в чистом виде. Отвечали на вопросы либо сами очевидцы, либо наиболее грамотные из жителей учителя, знавшие о происходивших событиях. В анкетных вопросах о погибших выяснялось: год рождения, место проживания, как и при каких обстоятельствах погибли. Обнаружено, что сельских жителей Себежского района каратели сжигали чаще всего в домах во время карательных экспедиций: малолетних, стариков, мужчин, женщин...

Но Б.В. Сивицкий направлял в сельсоветы и анкеты совсем другого содержания -

экологического. Этот музейный работник обладал безошибочным чутьем исследователя и чувством исторического времени. Экологические вопросы (термина такого, впрочем, тогда и не ведали) для тех послевоенных дней звучали несколько странно: в каких озерах до войны ловили рыбу, какую и сколько, есть ли на территории сельсовета болота и т.п. Вопросы задавались для того, чтобы выяснить, насколько изменилась природная среда за период фашистской оккупации и в связи с военными действиями. Таким образом, умело и точно, да и вовремя сформулированные вопросы дали Б.В. Сивицкому богатый информационный материал, имеющий ныне значение как документ времени, бесценный в «экслюзиве», т.е. единственный в своем роде. Анкеты заполнялись чаще всего карандашом или же перьевой ручкой. Вот так и начинался документальный архив Себежского музея.

Позднее он комплектовался материалами, поступившими от жителей Себежа и района. Есть, например, в фонде письма себежан, угнанных в Германию, - пожелтевшие от времени конверты, вырванные из тетрадей листы, иногда видовые открытки, написанные карандашом. Их стиль определяется уровнем грамотности писавшего, его культуры, а главное - состоянием, в котором волею судеб оказались наши соотечественники. Вот некоторые из них: «9 апреля. Привет из Рамштедта. Здравствуйте, дорогие родные: папа, мама, Ася, Маруся. Дорогие родные, я вам сообщаю, что я еще жива и здорова. Вы уже, наверное, знаете из моих писем, что мне живется «хорошо». Работаю с 6 часов до 5...» [год написания письма неизвестен. - *Н.Ш.*]; «5 января. 1945 г. Передайте привет моему лиходею который выгнал меня из Расеи да нам нечево. Парнев у нас много только время мало. Ну ничево все хорошо и весело. А в дальнейшем неизвестно» (сохранены авторские орфография и пунктуация. - *Н.Ш.*).

Шершнева Наталья Сергеевна - главный библиотекарь Центральной библиотечной системы г. Пскова

Ясно, что такие письма следует читать очень внимательно, потому что гораздо больше в них читается между строк.

На территории Себежского района в годы Великой Отечественной войны действовали партизанские бригады, десятки отрядов калининских, белорусских и латышских партизан. В Себежский музей сразу после войны поступил архив (а точнее, надо полагать, его большая часть) 5-й Калининской партизанской бригады, которой командовал В.И. Марго. Он включает более 100 ед. хранения, документов, уникальных и разнообразных как по содержанию, так и по тому, что место хранения архива оказалось необычным: партизанские архивы обычно хранятся в специальных фондах. Настоящий архив представлен боевыми характеристиками партизан, донесениями разведки, диверсионных групп, агентурными сведениями, подтверждениями местных жителей о партизанских диверсиях, приказами, дневниковыми записями повседневной партизанской жизни. Как правило, это традиционно тетрадные листы, сшитые нитками, или же тетради, листы из блокнотов, страницы, вырванные из книг, куски обоев - все, что попадалось под руку и что оказывалось пригодным для записи. Вот, например, донесение об одном из боев: «Убито 20 человек, ранено 7, полицейских - 2». Из этого же донесения видно, чем были вооружены партизаны: это были карабины канадского производства, скорее всего трофейные. Один из таких карабинов, переделанный для удобства его обладателем, представлен ныне в экспозиции музея.

А вот донесение командиру 5-й КПБ капитану В.И. Марго от 17 января 1944 г.: «Доношу о том, что подрывной группой старшины Полосни с 9 по 10.1.1944 г. поставлена мина на шоссе Себеж-Опочка, в районе Дубровок. На mine взорвалась немецкая повозка, в результате взрыва убито 3 немца, ранено 5». Следом - другое донесение, связанное, скорее всего, с предыдущим: «Вылазок противника на участке разведки нашего отряда за 19 и 20.1.1944 г. не было. Сожжено деревень (немцами) - Козельцы, Ноглово, Ломы [имение Пестелей. - Н.Ш.]».

В Козельцах осталось 4 жилых дома, сожжено 22, в Ноглово - 1, сожжено 24, в Ломах ничего не осталось. Убито и сожжено людей: Миронова Наталья Андреевна, 90 лет - сожжена, Семенова Анна, 90 лет - сожжена». Скорее всего, остальным жителям удалось бежать, а указанные женщины преклонного возраста сделать этого не могли физически. В архиве представлены также многочисленные справки опознания тела партизанки Марии Пынто, зверски замученной фашистами и обнаруженной партизанами 5-й КПБ.

Есть в архиве и агентурные записки «Героя», «Оленя», «Абсолюта» (Агентурные клички разведчиков) о дислокации фашистских войск, наличии у противника техники. Имеются даже листки, представляющие собой свидетельства о внутренней партизанской жизни, ее обычаях и законах, например: «Политдонесение комиссару 5-й бригады тов.Кулешу с 6 сентября 1943 г. по 10 марта 1944 г. Бытовое сожителство в отряде имело место, и на данное время имеется. Командир отряда Леонов Иван до марта 1944 года жил в открытую с Богдановой Клавдией, сейчас живет нелегально». Донесение явилось результатом полугодового наблюдения, и, судя по всему, подобное в партизанском отряде утаить было невозможно. Но такие отношения не поощрялись, война требовала аскетизма.

В начале 50-х гг. партизанский архив Себежского музея был «почищен» компетентными органами и лишился, надо полагать, некоторых интересных документов, в частности дневников солдат Красной Армии (в музее имеется опись изъятия). Собирателем же этого архива и директором музея Б.В. Сивицкий за «идеологические упущения» в музейном деле был с должности уволен. Слава Богу, остался жив.

В 50-60-е гг. благодаря неумолимой деятельности другого подвижника Себежского музея Константина Михайловича Громова документальный фонд музея пополняется обширным копийным материалом из двух крупнейших архивов страны - Центрального государственного исторического архива Белоруссии (ЦГИА БССР) и Центрального государственного исторического

архива Ленинграда (ЦГИАЛ), т.е. копиями документов и фотоматериалов. Этот материал достаточно полно представляет историю Себежского края с первого упоминания о Себеже в польских хрониках Стрыйковского (XV в.) до послеоктябрьских десятилетий.

У Себежа была довольно сложная судьба пограничного города и, может быть, поэтому не очень удачная для процветания. Основанный как крепость Иван-город на Себеже-озере по указу Елены Глинской в 1535 г.; он затем два столетия подряд переходил от России к Польше и обратно, в 1649 г. был отдан в потомственное владение литовскому гетману Радзивиллу, затем опять возвращен русским и, наконец, в 1722 г. становится городом Полоцкой губернии, а с 1802 г. - уездным городом Витебской губернии. Такие превратности исторической судьбы не давали возможности нарабатывать традиции, к тому же город, находясь на границе с западными балтийскими областями, испытывал на себе влияние польско-литовской, латышской и белорусской культур, впрочем, очень косвенно. А в XIX в. он стал входить в черту оседлости, и в начале XX в. 60 % населения Себежа составляли евреи. Так что, если использовать современную терминологию, город имел «пограничный менталитет», в некотором роде был маргинален. И это выражалось не только в наличии немалого процента жителей еврейской национальности, но и в бедности архитектурного пейзажа, малочисленности памятников православной культуры. Создавалось впечатление, что Себеж был городом всех и ничей конкретно. Вот что, например, сообщалось в одном из номеров «Витебских губернских ведомостей» за 1905 г., представленной в архиве музея фотокопией: «Отличительной чертой населения Витебской губернии, да и вообще всего северо-запада, является полное отсутствие в среде его каких-либо видов ручного труда. Не привилось здесь прочно ни одно из ремесел, ни одна из кустарных промысловостей».

«Витебские губернские ведомости» не оставляли без внимания уездную провинцию, и в каждом номере обычно публиковались сообщения о Себежском уезде. Есть в фон-

дах музея машинописная копия статьи журналиста Альбова [псевдоним Пшелко. - *Н.Ш.*] за 1911 г., в которой можно прочитать следующее: «Что поражает вас при въезде в город - это убогие, пошатнувшиеся, полуразрушенные дома. Как будто строили и недостроили, стали разрушать и не кончили... Смело можно сказать, что нигде нельзя увидеть столько полуразрушенных домов, сараев, хлевов, навесов. Местные жители, я разумею, мещане, как-то уж очень свыклись с тряпьем: чтобы ни одели, все у них болтается, треплется ветром, как у чучел на огороде. Они очень набожны в смысле исполнения разного рода церковных обрядов, любят посещать дневные и вечерние церковные службы, любят глядеть на свадьбы и похороны, но с другой стороны они очень ленивы, неподвижны, склонны к пьянству и с отвращением смотрят на труд физический. Если бы вы захотели узнать, чем заняты жители, то натолкнулись бы на чрезвычайно интересную особенность местной жизни. Здесь нет ни кустарной промышленности, ни скотоводства, ни земледелия. Здесь нет традиционного промысла, нет своего родного дела, которое передавалось бы от отцов детям, как это бывает в других городах. Главный прибыток для лиц мужского и женского пола - это ношение воды по домам. Этот промысел спасает многих от голодной смерти. Город, несмотря на то, что окружен водой, очень нуждается в водоносах. Большинство домов расположено на холмах, принести воду туда не очень-то легко. Колдцев в городе почти нет... Еще более замечательная черта местных жителей - любовь к нищенству. Многие прямо-таки обратили нищенство в отхожий промысел. Город владеет 5000 десятин земли, здесь есть глубокое большое озеро. Поэтому по закону экономики нужно было бы ожидать, что население Себежа находится в наилучших материальных условиях, какие только можно себе представить, но перед вами предстает захудалый уездный городок, как бы заброшенный злой судьбой в какие-то отдаленные дебри, с плохой мостовой на главной улице и полным неблагоустройством на остальных... Молли, Огинские, Забелло,

Медунецкие - никто из них не увековечил своего имени устройством какого-нибудь просветительного или благотворительного учреждения. О жизни себежских магнатов сохранилось несколько анекдотов...»²

Действительно, крупные себежские землевладельцы имели католическое вероисповедание и, видимо, не обладали широкой натуры русских аристократов, хорошо известных в провинциальной истории своей благотворительностью. Статья в «Ведомостях» очень точно обрисовывала жизнь дореволюционного Себежа, и это подтверждается документальными свидетельствами из архива БССР, имеющимися в Себежском музее в копиях. Вот, к примеру, доклад себежского старосты от 15 июля 1901 г. об устройстве колодцев: «По заключению врача в видах гигиенически-санитарных, требуется безотлагательное устройство в городе колодцев. Устройство колодцев удобно было бы в следующих местах: 1. На площади возле часовни; 2. На Соборной площади против чайной попечительства о народной трезвости; 3. На Выгонной улице, возле дома Селюгина; 4. На Батарях.³ А в ответе собрания городских уполномоченных сообщается следующее: «Устройство колодцев на средства города в настоящее время не производить. Нет средств».⁴ Такова ирония: город находился в окружении озера, а колодцев не было, воду носили прямо из озера, давая возможность заработать бедным. Или, например, такое сообщение из доклада себежского старосты от 8 июня 1901 г.: «Существующая в городе Себеже мостовая пришла в ветхость и негодность, невозможна ни для езды, ни для ходьбы, вредна безусловно для общественного здоровья... Просить уполномоченных об обязательном постановлении о починке мостовых за счет средств обывателя участка, который является против дома...». И снова типичный ответ Собрания городских уполномоченных от 14 июня 1901 г.: «Единоголосно постановили вопрос о перемещении городских мостовых в настоящее время оставить открытым до наступления весны 1902 года, т.к. крайняя бедность жителей и невозможность чинить за их счет мостовую».⁵

Нельзя, читая эти документы, не констатировать, насколько нынешний Себеж разительно отличается от города начала XX в. Сегодня это достаточно благоустроенный город, один из красивейших в России. «Псковская Венеция», одним словом.

Крестьянская жизнь мало чем отличалась от городской нищеты, и положение местного крестьянства было достаточно плачевным. Обратимся снова к документам архива Себежского музея. Так, в рапорте пристава 2-го стана [уезд был разделен на станы - участки, в Себежском уезде их было три. - *Н.Ш.*] уездному исправнику от 23 мая 1892 г. сообщается следующее: Многие крестьяне Езерийской волости занимаются издавна ремеслом нищенства и для испрошения подаяния отправляются каждый год по паспортам в Петербург до 500 человек, из них некоторые отправляются с женами и детьми, а некоторые даже прибегают к мошенническим способам, представляя себя совершенно здоровыми, по истечении же нескольких месяцев приносят домой заработанных нищенством от 50 до 100 и 200 рублей, здесь предаются пьянству, кутежу и праздной жизни, а затем, истратив деньги, вновь отправляются в Петербург... Промысел нищенства они усвоили себе как честный труд и не только своих поступков не скрывают, а напротив, хвастаются ими один перед другим. Список крестьян, получивших паспорта на предмет нищенства, представлен в канцелярии С.-Петербургского градоначальника на предмет наблюдения за занятиями упомянутых крестьян.⁶

В большом статистическом очерке С.С. Киселева «О промыслах крестьян Себежского уезда Витебской губернии» (1896 г.), представленном в архиве Себежского музея в виде машинописной копии, по данному вопросу пишется следующее: «Сельское убыточное население Себежского уезда, не находя полного применения своего труда к земледельческим занятиям не только на своем наделе, но и вне его, обращается к отхожим промыслам. Напротив, местные промыслы служат преимущественно предметом занятий той части сельского на-

селения, главным средством существования которого является земледелие и которое в промыслах находит, в большинстве случаев, только подспорье своему хозяйству».⁷ Поэтому такими промыслами, как лесоповал, сапожный, тележный, санный, портняжный, кустарные промыслы вроде изготовления кирпича, глиняной и деревянной посуды, выделка кож, занимались сами крестьяне. Всего же рабочих в кустарных промыслах уезда было занято более 200, а население уезда в начале XX в. составляло 101323 чел., из них городского - 4915 чел. С.С. Киселев в своей статье полно, с необходимой в данном случае скрупулезностью, определяет социальные причины существующего положения.

Всероссийская перепись населения 1897 г., данные которой также представлены в фондах музея, сообщает точные данные о занятости населения г.Себежа вплоть до занятия проституцией, на которое приходится 0,5 % городского населения, занятого в промыслах. В этом же издании имеются многочисленные данные по уезду о населении, землевладении, народном образовании, здравоохранении.

Из документов начала XX в. нельзя не заметить критического положения крестьянства. Наделы, которые крестьяне имели, не могли прокормить их. Поэтому крестьяне Витебской губернии, как и всего Северо-Запада России, постоянно бедствовали. В годы первой мировой войны Себежская уездная управа была даже вынуждена отказать Витебскому губернатору в привлечении крестьян к рытью окопов, о чем свидетельствует сообщение от 16 апреля 1915 г.: «Тяжелое материальное положение крестьян настолько озабочивает их ныне, что положительно заглушает в них чувство патриотизма, и они готовы подчиниться требованиям власти только по принуждению свыше. Этот взгляд они высказывают в данное время».⁸

Себежские крестьяне не отмалчивались, и пусть робко, но недвусмысленно высказывали свое отношение к существующей самодержавной власти задолго до приведенного выше рапорта. Так, например, рапорты Себежского уездного исправника, начи-

ная с 1890 г. и на протяжении всего десятилетия, пестрят докладами об оскорбительных высказываниях крестьянина Езерийской волости Себежского уезда «о царе и иконах», «о наказании себежской мещанки Завилейской за оскорбительное высказывание о царе», «Об оскорбительных выражениях лесничего Андрушкевича К.О. о царях: Ваш царь не Бог, один умер собачьей смертью и другой не минует того».⁹ Андрушкевич оказался пророком, и подобные высказывания совершенно определенно показывают, до какого состояния была доведена режимом самодержавия крестьянская Россия. Чтобы закончить этот ряд, процитируем рапорт уездного себежского исправника Витебскому губернатору от 31 июля 1894 г.: «28 минувшего ноября в деревне Фролово Долосчанской волости крестьянин той же деревни Федор Андреев Тарашков, возвращаясь из деревни Богомолово, подошел к крестьянам той же волости деревни Веремеево Виктору Филиппову (полицейский десятский) и деревни Дуплево Петру Андрееву Шелухину, копавшим у него колодец, и при разговоре с ним на вопрос его же Тарашкова «Какое сегодня было богослужение в Долосчанской церкви» Филиппов ответил: «сегодня сороковой день кончины государя императора, и потому молятся о поминании его». На что Федор Тарашков произнес матерные слова против в бозе почившего государя императора и на замечание Филиппова: «тише, я десятский и как ты можешь и за что так поминать», Тарашков ответил: «а за то, что много денег берет с нас».¹⁰ После того, как Федор Тарашков возвратился к себе домой из Долосц, на вопрос того же Филиппова, ночевавшего у Тарашкова: «Какую там дал милость господь и государь» (в этот именно день было совершено молебствие о здравии их императорских величеств по случаю их бракосочетания), - Тарашков ответил [о чем докладывает исправник. - *Н.Ш.*]: «Какая там милость, черт черта родил и черта женил», причем добавил: «священник только объявил, когда государь женился и откуда его жена».¹¹ И речь, как следует из времени случившегося, шла о Николае II и Александре Федоровне.

Не случайно наличие подобных настроений среди себежского крестьянства вылилось в революцию 1905-1907 гг. и выразилось в массовых выступлениях крестьян, захватах ими помещичьих земель, порубках лесных угодий. К тому же в Себежском уезде под надзором полиции проживали 45 человек, высланных из Петербурга, в том числе члены «Союза борьба за освобождение рабочего класса». Подобные организации в полицейских донесениях себежских урядников обычно именовались «петербургскими кумпанствами».

Завершая обзор некоторых сведений из материалов Центрального государственного исторического архива Белоруссии о дореволюционном Себеже, нельзя не привести очень интересного стихотворения, достаточно длинного. Автором его является, видимо, уже упомянутый Пщелко, себежанин и витебский журналист:

Грязно на улице. Ночь непроглядная.
В Себеже тихо, темно.
Город как вымер весь. Жизнь безотрадная
Спит, зная с нуждой заодно.
Тихо покоятся жители бедные,
В окнах не видно огня.
Пусть улаживают их сны заповедные
после рабочего дня.
Утро настанет и жизнь обыденная
В городе снова царит.
Вот открывается лавка казенная,
Люди там рабочий кипит.
Рубль дорог рабочему, он предназначен
Не для того, чтоб пропить;
Но на пути его есть соблазн, и истрачен
Он с целью «себя подкрепить».
Там открываются лавки по улице
(Улица здесь лишь одна),
Свиньи, коровы, телята и курицы
Бродят по ней, как всегда.
Мелкий чиновник на службу торопится.
служба его нелегка:
Пищи уму нет в работе, и копится
Дольше и больше тоска.
Вот и счастливый. В нем отражается
Праздность, довольство, почет.
Труженик мелкий пред ним пресмыкается,
Силу рубля признает.

Пресса твердит нам про равенство,
гласность,

Про постоянный прогресс,
Пресса права, но горячая страстность
Громких дебатов вразрез
С жизнью обычной идет. Наблюдается в ней
И регрессу простор,
Гласности речь у нас опровергается
Жизнью самой с давних пор.
Так чествовать память поэта
Собрались здесь развитые умы.
Были дебаты-много старались.
Думу помочь просим мы.
Как отозвались отцы-благотетели
Лучше бы нам промолчать;
«Доброму делу всегда мы радетели;
Только должны вам сказать:
Город наш дальний, а жители бедные.
Мало оброчных статей».
Все это слышишь, и грустно становится.
Дай-ка я в клуб загляну!
Словом живым можно там перемолвиться,
Книгу, журнал разверну.
Здесь зала обширная, но обстановка
Вовсе не клубной глядит.
Хоть кто-то сказал мне, что будет обновка,
Что уж отпущен кредит.
-А библиотеку - путь к просвещению
Что ж посещают у вас?
-Нет, - отвечают, - она, к сожалению,
Вовсе пустует у нас.
Тут и журналы я вижу для чтения,
Русские классики есть,
Но не встречал в земляках я стремленья
Книгу, газету прочесть.
Вот неразрезан, жалко, зная, стало,
С прошлого года лежит
Как бы ненужный журнал, их немало,
Все они новы на вид.
Члены же спокойно винтом забавляются,
Рядом в бильярдной стучат.
Больше, все больше буфет наполняется,
Чокаясь, рюмки звенят.
За полночь время, и клуб оживляется,
Речи звучат горячей;
Винт поазартней игрой заменяется;
Ставки в бильярдной крупней.
Клуб - вот средоточие себежской жизни,
Себежской жизни магнит.

Но, впрочем, не место ведь здесь укоризне:
Пусть ею лирик гремит.
Мне же желаемой было б наградой,
Себежской жизни верна,
Коль эта картина собой, кого надо,
Могла пробудить ото сна.
Сна мысли, сна чувства, сна воображения,
Снов, что проникли собой
Общеизвестной жизни у нас отраженья.
Весь наш общественный строй.

Эти неуклюжие, но искренние строки были опубликованы в одном из номеров «Витебских губернских ведомостей» за 1900 г.

Вообще документы в Себежском музее о начале XX в. очень разнообразны: донесения себежских исправников, урядников, ревизионные отчеты о посещении города витебским губернатором, протоколы заседаний городских уполномоченных, статистические данные с прекрасными социологи-

ческими проработками о социально-экономическом развитии Себежа и уезда.

Хранятся в музее и редчайшие документы в машинописных копиях протоколов заседаний первых коллективных хозяйств. Этот трудный и сложный период нашей истории представлен в фондах весьма основательно. Разносторонний документальный материал достаточен для научной работы в музее и позволяет создать объективную картину разных исследуемых периодов. Чем больше в истории документов, тем меньше лжи. Документ, казалось бы, бесстрастно отражает существующее положение, но авторами его являются люди. И документ имеет свойство потрясать гораздо сильнее, чем самый невероятный вымысел. Лев Николаевич Гумилев в одной из своих лекций говорил: чтобы верно оценить событие, надо подождать сто лет. Без сомнения, чем дальше мы по времени от события, тем вернее читаем документ о нем.

Примечания

1. Приводимые здесь сведения из документов партизанского архива ко времени работы с ними не имели инвентарного фиксирования, поэтому сноски на них не делаются.
2. ЦГИА БССР, ф.1859, оп.1, д.159, лл.10-21. Здесь и далее имеются в виду копии, имеющиеся в архиве Себежского музея.
3. Там же. 1431, оп.1, д.1686, л.94,
4. Там же. Л.94.
5. Там же. Л.70.
6. Там же. Л.1416, оп.3, д.1637, лл.5-6.
7. Там же. Оп.7, д.574, лл.214-221.
8. Там же. Ф.1430, оп.1, д.5348, лл.1-2.
9. Там же. Д.1, лл.1-2.
10. Там же. Оп.2. д.224, л.1.
11. Там же. Л.1.